

Сергей Гошев

Пуговица

Клуб настоящих мужчин

Любопытству мальчишек нет предела. Ну интересно же: почему всегда встаёт неваляшка (ванька-встанька), почему машина движется, почему мотоцикл рычит, как работает kaleidoscope. Что-то ломаем, что-то чиним, при этом остаются лишние детали. Но именно так, докапываясь до истины, мы становимся настоящими мужчинами, которые умеют всё!

В далёких шестидесятих машин во дворах было мало. У нас, например, между многоэтажками был всего один гараж, где стояла «инвалидка». Иногда приезжала белая «Волга». Мы стайкой кружили возле неё. Уж очень хотелось погладить блестящего оленя на капоте. Он застыл в прыжке и как будто говорил нам: «Не каждый может догнать, а тем более быть хозяином такой машины!»

«Тах-тах-тах!» — затарахтит машина у гаража дяди Вани на всю жилую «коробку». Мы, не раздумывая, как вспорхнувшие воробьи несёмся туда. Ведь там много чего интересного можно сейчас увидеть. Прибежали, обступили трясущийся зелёный автомобильчик, пытаемся отдышаться. — Ну, сорванцы! Пришли поговорить или помочь? — из темноты гаража раздаётся сначала бархатный голос, а потом появляется на костылях пожилой мужчина.

Он и есть хозяин «инвалидки». Перед маленькой машиной с ручным управлением, опершись на костыли, он раскуривает папиросу, окидывает нас добрым взглядом. Хитро прищуренные глаза искрятся внимательным любопытством.

— И то, и другое, дядя Ваня! У нас времени много. Каникулы! — отвечает за всех нас рослый Петька Петухов.

Он учился с нами в пятом классе. Дважды оставался на второй год. На голову выше нас, но никогда никого не обижал. Почему ему не давалась учёба? Был ведь любознательным. Мы всегда держались вместе и многому учились у него.

— Это всё с тобой, Петя?

— Да, дядя Ваня! — говорит наш вожак. — Можно, они тоже будут помогать? — Петька расплылся в улыбке.

— Отчего ж нельзя? Заходите, мастера! Только, чур, без разрешения никуда не лезть. Если что, спросите Петра, теперь не меньше моего в технике

разбирается. И лудить, и паять, и утюг чинить умеет. Он, наверное, и в школе из-за этого слабо учится. Ему проще коляску детскую починить, велосипед мальцу наладить.

Лицо друга омрачилось, когда заговорили о школе. Дядя Ваня похлопал его по плечу:

— Ничего, Петро, пристроим тебя в ФЗУ (фабрично-заводское училище). Погодь немного. Я тут с кем надо переговорил. Я ведь, ребята, с его отцом в одном танке воевал...

Помолчал.

— Живым вот остался благодаря мужеству батьки твоего, Петя. Подумаешь, ноги нет. Так другая же есть. Вот хожу, танцевать даже могу! — он, опираясь на костыли, притопнул здоровой ногой. — А Валерий-то к постели прикован. Вот такая петрушка, братцы, получилась. Значит, мы, однополчане твоего папки, тебе помогать должны! — подвёл итог ветеран.

У меня от услышанного пробежал колючий холодок по спине. Набравшись храбрости, я спросил: — Дядя Ваня, а страшно на войне?

— Конечно, страшно, сынок. Но если рядом надёжный товарищ и друг, который в любую минуту готов подставить своё плечо, то страх сам от нас убегает. Таким дружным экипажем мы и били коварного врага.

— Дядя Ваня, что-то «чижик» чихает.

Все замолчали, прислушались. Петька продолжил:

— Наверное, опять бензонасос засорился. Можно, я его прочищу? Это ведь быстро, и ребята поучатся. — Ну ладно, уговорил. Показывай своё мастерство, а я пока соберу вещи для бани.

Не прошло и получаса, как двигатель у «чижика» застучал ритмично. А довольный Петька горделиво вытирал своё чумазое лицо и руки тряпкой.

Мне тоже хотелось что-то сделать для этого хорошего человека. Посмотрел на обляпанные нашими руками стёкла и капот машины, спросил: — Можно машину помыть? Вы собираетесь на ней ехать, мы быстро всё до блеска вычистим.

Не дожидаясь ответа, схватив тряпки, мы уже мчались к бочке. Она стояла на углу гаража, в неё с крыши по желобу стекала дождевая вода. Какое счастье для нас тогда было — помыть машину!

Но автомобиль маленький, к нашему огорчению, мы быстро справились с работой. Мокрые, будто сами искупались в этой бочке, но довольные и счастливые, стояли вокруг чистенького «чижика». — Спасибо! Вот уважили! Теперь у меня есть целый свободный час до встречи с друзьями в клубе настоящих мужчин. Пойду-ка посижу, отдохну. — Дядя Ваня пошёл в гараж.

Мы осторожно двинулись следом. Сели тихонько на скамейку у верстака. А хозяин, прислонив к стене костыли, тяжело опустился на старое автомобильное кресло, которое стояло рядом.

— Чего притихли, помощники? Поработали, теперь и поговорить о жизни можно.

Я опять набрался смелости и спросил: — А что это за клуб настоящих мужчин?

Хозяин гаража не успел ответить. Повернулся на громкий голос Петьки, который заканчивал натирать стекло:

— У моего отца, как и у вас, много медалей. Есть и орден Славы третьей степени. Прошу его рассказать, за что такая высокая награда, а он молчит. Смотрит на меня немигающим взглядом, а иногда слеза по щеке катится. Вы же вместе воевали, значит, можете рассказать. Я должен знать, как сражался мой батя!

— Твой отец — герой, Петя. Тяжело ему вспоминать тот бой...

Дядя Ваня задумался. Провёл несколько раз ладонью по волосам, как будто причёсывался или укладывал мысли в нужный порядок и заговорил:

— В июле тысяча девятьсот сорок третьего года наш танковый батальон после марша остановился в лесистой местности у станции Прохоровка. Командир танка, сержант Николай Борисович, пришёл от комбата хмурым и очень встревоженный. За ужином сообщил, что утром наступление, возможна встреча с новейшими тяжёлыми танками противника «Тигр», броню которых в лоб наша пушка не берёт. Приказано максимально использовать преимущество наших танков — скорость и манёвренность.

— Эти монстры будут безнаказанно топтать мою землю, а я и пробить его из пушки не смогу! — возмутился я.

— Сможешь, Вань, — успокоил меня командир. — Есть и у этого монстра уязвимые точки. Сейчас и обсудим: как самим уцелеть от его мощной пушки и врага уничтожить.

Долго мы разбирали все плюсы и минусы хваленного и якобы непобедимого фашистского танка, который здесь и сейчас должен был изменить ход войны. Покумекали и решили устроить фашистам настоящую русскую баню.

Соседние экипажи тоже готовили своих стальных коней к бою. Выносили из танка всё, что могло гореть.

Всю оставшуюся часть ночи я ворочался. Сырость залезала под комбинезон, отнимая тепло и сон. Светало. Окончательно проснулся от скрежета металла по металлу. Подошёл к открытому люку механика-водителя. Заглянул... На меня смотрели улыбающиеся глаза Виталика, твоего бати, Петька. Лицо всё измазано, в одной руке кисточка, а в другой — банка с солидолом.

— Ты чего встал?

— А ты что? — ответил я вопросом на вопрос.

— Да что-то не спится.

— Вот и мне тоже.

Я потянулся и полез к себе в башню. Покрутил холодные механизмы и прильнул к прицелу. Погода была пасмурная, но видимость отличная. Хорошо просматривались пойма реки и дальний лесок за глубоким оврагом. Утренняя живописная тишина, ласковая прохлада навеяли мысли о доме, родителях, речке... Природа была в утренней неге. Все ещё отдыхали и не знали, что через несколько часов на этом холмистом зелёном поле будет гореть и поливаться кровью земля...

Кто-то постучал по броне. Мы вылезли из танка. — Что — самые работающие? Пошли есть, пока каша не остыла! — позвал нас пулемётчик Сашка.

Ели медленно. Поглядывали на хмурое небо. Ковыряли в котелке. Предчувствие жаркого боя сверлило виски. Волнение и тревога были заметны на лицах. Но всё как-то разом исчезло, когда прозвучала привычная слуху команда:

— По машина-а-ам!

Рёв моторов, гарь заполнили уютный берёзовый лес. Соблюдая боевые порядки, стальные кони с красными звёздами вышли из своего лесного укрытия. Изрезанная оврагами и заросшая высоким кустарником местность затрудняла видимость и вынуждала механика постоянно маневрировать. Впереди длинный пологий спуск, а за ним крутой подъём.

— Виталька! — сказал Николай Борисович. — Давай включи пониженную и уйди левее. Иначе мы из-за этих кустов ничего не увидим.

Впереди идущий танк влез на вершину холма. Но что это? Вздрогнул, его охватило пламя. И он разгорающимся факелом стал беспомощно сползать на нас.

— Механик! Вправо! — прозвучала команда.

Но наша машина дёрнулась и встала.

Я прильнул к прицелу. «Неужели всё?» — пронеслась мысль. Огненный шар полз на нас, увеличиваясь в размерах.

— Спокойно, Виталий Петрович, запускай двигатель и правый рычаг на себя, — голос командира звучал тихо, но звук, как стальной нож, резал воздух.

Двигатель взревел. Ушли! Буквально в паре метров от нас сползла подбитая «тридцатьчетвёрка». Беда миновала. Наш танк влез в густые

кусты и поднялся. То, что мешало, стало нашей защитой. Слева, справа, опять слева! Один за другим разрывались снаряды, звонко осыпая броню осколками. Кустарник перед нами был срезан огненной косой. Он больше не закрывал обзор и не укрывал нашу боевую машину.

— Вот они, хваленые «Тигры»,—услышали мы голос командира в наушниках.

По холмистому полю стеной ползли пятнистые монстры. Они изрыгали пламя из своих дальнотанковых пушек с увесистым дульным тормозом. Несколько наших танков горело на холме.

— Вперёд! Вперёд! Слышишь меня, Виталька, вперёд!

— Есть вперёд, товарищ сержант!

Мы неслись навстречу врагу, оставляя за собой большие столбы пыли. Наша скорость не давала возможности фрицам прицельно бить по нам. Маневрируя на ходу, наш батальон, как нож в масло, вошёл в боевые порядки немцев. «Тигры» лишились преимущества: мощности пушек и непробиваемой лобовой брони. Мы же получили возможность бить с близкого расстояния в уязвимые места тяжело бронированных монстров: в борт, по ходовой части, в двигатель.

— Стоп машина! Слева по борту враг! Ваня, бронетанковым!—скомандовал мне командир.

Я развернул башню и с близкого расстояния влепил почти в центр немецкого креста. Немец остановился, и его ствол стал разворачиваться в нашу сторону.

— Ваня, ещё один!

Рядом появилось второе отверстие, и у фрица дым повалил из всех щелей.

— Молодец, Ванюша! Вперёд, ребята! Не стоять на месте!—подбадривал нас Николай Борисович.

Только мы сдвинулись с места, как сильный рикошет ударил нас в башню. Я оглох, почувствовал, как из ушей пошла кровь, слипаясь в наушниках шлемофона. Командир хлопнул меня по плечу и рукой показал направление стрельбы. Что есть силы вращаю ручку поворотного механизма башни. Танк остановился. Я прильнул к прицелу и увидел, как «Тигр» почти развернулся в нашу сторону лобовой бронёй. Вокруг нас шёл ожесточённый бой: взрывались снаряды, надрывно ревели десятки моторов. Голова гудела. По хлопку в правое плечо понял, что надо стрелять по правой гусенице немца. Я с ювелирной точностью успел выстрелить первым. И уже через пару секунд она, как червяк, сползла с катков, обездживив танк. Добывать не пришлось. Открыв люк, как ошпаренные фрицы стали выскакивать. Наш пулёмёт свинцом поливал их. Мы так и не дали даже коснуться ногой нашей земли, оставив их лежать на броне своего танка. Развернулись и двинулись дальше в гущу боя. На наших глазах от выстрелов в упор сворачивало башни, гнулись стволы пушек,

разрывало мощную броню, как картон. Дым, гарь, огонь и нестерпимый грохот стоял на поле боя. Экипажи подбитых танков вели бой, переходящий в рукопашные схватки. Мы помогали им, поливая фрицев из пулёмётов и давя гусеницами...

Сразу три снаряда ударили по нашей броне. Танк замер. Башня мгновенно заполнилась едким дымом. В наушниках еле слышал хриплый голос командира:

— Покинуть машину.

С трудом, помогая друг другу, вылезли из люка и вместе с командиром полетели вниз на землю. Поднялся. Танк горел, а вместе с ним горели и наши ребята. Механик с пулёмётчиком катались по земле, пытаясь сбить пламя со своих комбинезонов. Мы кинулись к ним, помогли справиться с огнём. Вдруг острая боль в ноге, а потом и в плече обожгла меня. В метре от меня повалился и раненный в голову командир. Мы залегли рядом со своим танком в небольшую воронку. «Тигр» стоял буквально в ста шагах от нас. Он развернул башню в нашу сторону и теперь нас расстреливал из пулёмёта. Фонтанчики пыли от пуль поднимались дорожками вокруг нас. Мы огляделись: потные, грязные от копоты, в обгорелых комбинезонах. Командир был в бреду. Его окровавленную голову перевязал пулёмётчик Сашка. Я перевязал себя сам. — Ну что, ребята!—неожиданно выкрикнул механик. — Умылись потом, попарились и пожарились в танке! А сейчас я душевно поговорю с этими гадами.

Он вскочил и, пригнувшись, побежал к нашей пылающей «тридцатьчетвёрке». Дорожка из фонтанчиков земли преследовала его, но он ловко, ящерицей вполз в свой люк. Взревел мотор, танк дёрнулся и, раздувая пламя по сторонам, двинулся на врага. «Тигр», почуяв опасность, попытался уйти от столкновения, но было поздно. Дикий скрежет, удар, дым. Обе башни сошли со своих мест. Пламя ещё с большей силой охватило стальные тела машин.

Мы с Сашкой кинулись к люку механика. Боль и страх исчезли. Время остановилось... Выхватили из огня горящего Виталика. Погасили на нём огонь. Подхватили его обгоревшее тело и понесли к реке, прикрываясь кустарником. Опустили в прохладную воду, сами повалились тут же. Он застонал, открыл глаза, улыбнулся нам и, еле шевеля запёкшимися губами, прошептал:

— Ну? Как я с фрицами поговорил?!..

Дядя Ваня замолчал... Мы притихли, боясь упустить хоть слово из его рассказа. А он нас и не видел, был там, на поле боя. Вдруг морщины на лбу расправились. Губы расплылись в улыбке. Глаза засветились радостью.

— Вот так воевал твой батя, Петя! А орден Славы для него самый дорогой и памятный,— дядя Ваня

взял костыли и поднялся с кресла.— Спасибо ещё раз, ребята, за помощь. Мне пора ехать в баню. Негоже нарушать традицию «три в одном». Могу с собой взять двоих, если вас родители отпускают.

Через несколько минут мы с Петькой ехали в маленьком «танке». Он тарыхтел на всю улицу, немного дымил. На коленках у меня лежала наспех собранная авоська: полотенце, мыло и бельё. Счастье распирало. Остановились у большого серого здания с закрашенными белой краской окнами. На фасаде четыре большие буквы: «БАНИ». Над широкой входной дверью—яркая вывеска: «Добро пожаловать попариться, помыться, поговорить!»

Я вслух прочитал её, посмотрел на дядю Ваню. Он хитро прищурился:

— Да. Три в одном—это баня. Для нас она и до войны была местом тёплых дружеских встреч. Наша дружная четвёрка, а впоследствии экипаж танка, сформировалась именно здесь! Мы дружили, работали в одном электромеханическом цехе. Твой батя, Петя, увлекался мотоциклетным спортом. Я—стрельбой. Самый старший из нас, Николай, готовился поступать в военное училище. Активно занимался спортом, даже прыгнул с парашютом. А Санёк был самый младший. На фронт пошли добровольцами. Здесь же в бане и решили, что будем проситься в один экипаж. Сейчас познакомлю вас с ребятами.

После парной мы уселись на широкую лавку рядом с дядей Ваней. Банщик в белом халате вынес из подсобки медный самовар. Поставил его перед нами на большой дубовый стол. Удивлённо посмотрел на нас:

— А это что за птицы?

Наш ветеран-танкист подмигнул ему:

— Это сын нашего героя, механика-водителя, с другом. Вот хоят в клуб настоящих мужчин вступить. Примем?

— Отчего же не принять? Банька—хорошее средство от всего. Иван Михайлович, тогда я вам пять стаканов к чаю несусь!

Обмотавшись простынями, напротив нас сели двое мужчин. Один постарше, другой помоложе. — Познакомьтесь, это наш командир танка Николай Борисович, а это Санька. Теперь-то и его Александром Сергеевичем кличут. Нет с нами только твоего папки, Петька. Но это не проблема. Завтра с пряничками ждите в гости. Продолжим заседание клуба настоящих мужчин.

— Это Петро уже такой вырос?! А этот курносый—дружок его? Молодцы, ребята. Хорошо ты, Ваня, придумал—молодёжь в наш клуб принять. Мы стареем, молодое поколение пусть ратный труд продолжает. Принимаем в наш клуб настоящих мужчин?

— Конечно!—поддержали Николая Борисовича и другие любители баньки.

Нам пожалыли руки, поздравили и предложили чай. А вкусный же он какой был! Парная, взрослые разговоры, чай расслабили и сблизили нас так, что я чувствовал себя среди этих опалённых войной бывалых мужчин членом их экипажа. Душевным разговором, тёплым парком, берёзовым веником они здесь лечили свои израненные тела и надорванные тяжёлой судьбой жизнелюбимые души.

...Прошли годы, десятилетия. Мои учителя-герои уже давно покинули наш мир. Но традицию посещать клуб настоящих мужчин я продолжаю. Душевными разговорами, тёплым парком, берёзовым веником теперь мы лечим свои тела и души.

Пуговица

В советские годы военнослужащие с гордостью носили военную форму вне гарнизона. А когда ехали в отпуск на родину, то обязательно в форме. Да тебя просто не поймут земляки, если ты приедешь в гражданке. В гражданке ты выглядишь как все, а в форме ты уже государственный человек и вести себя обязан достойно. Военный—это значит защитник, это пример для подражания мальчишкам. И как бы это ни звучало пафосно, но это факт. Так было, так мы жили!

После интерната—профтехучилище, затем—срочная служба. А после срочной я решил остаться на сверхсрочную службу: окончил школу прапорщиков в д.в. Ура! Отпуск. Еду на родину, где не был три года. У меня есть целых тридцать дней, где я сам себе хозяин. Покупкой гражданки даже и не заморачивался. Обязательно надо ехать в форме, у меня же пгичка на фуражке, десантные эмблемы на петлицах и околышек голубой. А мне всего двадцать один год от роду!

В Москву прибыл рано утром. Здесь пересадка, мой поезд отправляется поздно ночью, да и с другого вокзала. У меня целый день для столицы!

Мысленно я стал планировать первый по-настоящему отпускной день: сначала погуляю по Московскому Кремлю, а потом обойду его снаружи. Потом павильон «Космос» на вднх, ну и на десерт схожу в Сандуновские бани...

К вечеру от ходьбы ноги гудели, а пятки горели, как после двадцатикилометрового броска с полной выкладкой. Попасть в Сандуны нелегко, но мне удалось: любил нашу армию народ. Все принадлежности банные мне выдали здесь же.

Кто ходит в баню, знает, что после неё человек ощущает удивительную лёгкость в теле и в душе. После второго захода в парную я не пошёл в комнату отдыха, а остался в помывочном отделении, сел на мраморную скамейку. Решил сделать лёгкую растяжку усталых мышц и массаж разогретого тела. За моими оздоровительными процедурами наблюдал сосед. На вид было ему лет семьдесят. Дедок худощавый, жилистый, с множеством старых

шрамов и рубцов. Он так рассматривал меня, что мне стало неловко. Я улыбнулся ему и сказал:

— Доброго вечера, хорошего пара. Вам нужна помощь?

— Вечер действительно добрый. Всё в порядке,— ответил сосед.— Вижу, вы один пришли, как и я. Давайте я вам спину потру, а потом вы мне. Как на это смотрите?

— Положительно смотрю!— ответил я.

— Меня зовут Семён Игнатьич,— представился дедок.— А вас как, молодой человек?

— Сергей!

Так мы и познакомились.

— Ложись-ка на лавку, Сергей. Запоминай всё, потом мне так же спину потрёшь.

Семён Игнатьич взял мочалку из настоящей липовой стружки, намылil её душистым банным мылом, и через несколько минут моё тело стало лёгким и отдохнувшим, как после утреннего сна. Усталость улетучилась. Он окатил меня прохладной водой из шайки, смыв остатки мыльной пены. — Шабаш! Меняемся местами!— сказал, улыбаясь.

Усталость, которая недавно разливалась по телу, ушла.

— Семён Игнатьич, вы волшебник!

Я бодро поднялся с лавки. Старик хитро улыбнулся:

— Учись, пока есть у кого! Давай, Серёжка, наполни шайку водой. Я ложусь, теперь твоя очередь показать своё мастерство. Проверю, чему научился.

Я старался, как на экзамене. Хотелось не ударить в грязь лицом перед пожилым человеком. Через двадцать минут запыхтел, как разогнавшийся паровоз.

— Хватит, хватит, Серёжа. До дыр меня затрёшь! Вижу, что стараешься. Спасибо! В душ— и пошли пить чай. Его, наверное, уже принесли,— пригласил меня в отдельную кабинку для отдыха дедок.

Действительно, в небольшой комнате нас ждал стол, накрытый для чаепития. На большом дубовом столе— самовар. Сверху на самоваре фарфоровый чайник с заваркой упревал. На круглом подносе— гранёные стаканы в подстаканниках. В плетённой из лозы сахарнице горкой были насыпаны маленькие сушки.

— Надо банщику за его труды на блюде чаевые положить,— я уже готов был пойти в предбанник, к своему шкафчику, за деньгами, но меня остановил Семён Игнатьич:

— Серёжа, позволь мне, как москвичу, гостя угостить. Банщик уже всё получил. Садись, будем пить чай с сушками!

— Спасибо и за угощение, и за науку, как быстро избавиться от усталости!— поблагодарил я.

— Молодец, быстро учишься! Такая наука всегда пригодится. Давай пить чай, пока он ещё ядрён, не остыл, силы набрал. А то остынет и вкус потеряет.

Мы парились, пили чай, отдыхали... Дедку, видимо, хотелось поговорить. Мне он вопросов особо не задавал. А вот сам говорил много.

— Знаешь, Серёжа, есть у меня дорогая мне реликвия. Сейчас принесу.

Он поднялся и пошёл в предбанник. Вернулся, что-то сжимая в кулаке. Разжал пальцы, на ладони лежала рубиновая звёздочка с военной фуражки. Глаза повлажнели то ли от пара, то ли от слезинок.

Я протянул руку:

— Можно посмотреть?

— Бери, бери.

Я взял звёздочку, стал рассматривать. Медь от времени стала серо-зелёной. Толстая рубиновая эмаль покрылась от времени мелкой сеткой трещин. Один из лучей звёздочки был надломлен. Аккуратно положил её на стол. Семён Игнатьич смотрел куда-то сквозь меня. Чувствовалось, что он уже не здесь, а в своей далёкой тревожной юности...

Он встряхнул головой, извиняясь, сказал: — Что-то я задумался. Пей чай. Чего притих? Всё у тебя ещё впереди! Молодость— это так здорово! А моё поколение взрослело на войне. Если интересно, расскажу историю этой звёздочки.

— С удовольствием послушаю. Как вы правильно заметили, в Москве я гость. Поезд мой уходит поздно ночью, времени— ещё вагон,— сказал я, разливая по стаканам чай.

— Тогда слушай,— улыбнулся мой собеседник.— Эх, захотелось отчего-то повспоминать! Была осень тысяча девятьсот сорок второго года. Бои шли тяжёлые. Мы были в резерве. Неожиданно нашей роте поставили задачу: захватить любой ценой опорные пункты немцев и удерживать их до подхода основных сил. По данным разведки, у фрицев там находилось несколько огневых точек и хорошо оборудованная линия обороны. С правой фланга её прикрывало болото, а с левого— минное поле и густой лес. Возможностей для манёвра не было. Нужна была только быстрая, решительная лобовая атака, чтобы занять это узкое горлышко. Был я в то время в звании младшего сержанта командиром оружейного расчёта пушки-сорокапятики. Рота с большими потерями выбила фрицев и, не преследуя отступающих, заняла их линию обороны. Наше дерзкое появление из утреннего тумана для немцев было настолько неожиданным, что они побросали всё, лишь бы уцелеть. На большом столе в блиндаже остался даже оперативная карта. Рядом стоял горячий кофейник, лежали вскрытые пачки галет. Из наушников включённой радиостанции вылетали гавкающие команды, а рядом в деревянной пепельнице дымилась недокуренная сигара. Нас здесь явно не ждали!— Семён Игнатьич усмехнулся.— Теперь в этом блиндаже разместили наш штаб. Командир штурмовой роты лейтенант Александров принял доклады

всех командиров о потерях и состоянии орудий. Тут же, на немецкой карте, обозначили сектора обстрела каждого орудия, общую систему взаимодействия огневых точек. Наш Сашок, так мы звали между собой своего командира— фамилия больно длинная, вот и сократили,— так вот, наш Сашок определил нам задачу: «Держаться, держаться и держаться!» Потом объёл нас взглядом, будто подбирая слова для дальнейшего разговора, вздохнул и уверенным, спокойным голосом сказал: «Товарищи командиры, на участке линии обороны нашего полка произошли изменения. В ближайшие часы подкрепления не будет. Но комполка обещал поддержку огнём из гаубиц... только в критической ситуации. У меня всё, товарищи командиры. Скоро рассеется туман. Быть внимательными, принимать решения самостоятельно, по обстановке. К расчётам!»— твёрдым голосом скомандовал лейтенант. Мы взяли под козырёк и, пригибаясь, разбежались по траншеям к своим орудиям. Клочки холодного влажного тумана гуляли по равнине и скапливались в низинах. Первые лучи солнца и лёгкий ветерок съедали его, оголяя передний край немцев. Он хорошо освещался восходящим с востока солнцем. Оно стало нашим другом, цели высветились как на ладони. «По скоплению вражеской техники, беглым—огонь!»—скомандовал я. Первый снаряд угодил в бронемашину. Она вспыхнула, из неё повалил чёрный столб дыма. Открыли огонь и другие наши орудия. Застрочили пулемёты. Фонтаны огня и земли взлетали среди бегающих фрицев. Вторым снарядом наводчику удалось попасть в немецкое орудие. Оно подпрыгнуло и перевернулось. Паника в немецком лагере длилась недолго. В общем грохоте боя были слышны отрывистые команды фрицев. В нашу сторону двинулись танки. Между ними ехали мотоциклы и поливали наши окопы из пулемётов. За их огневой защитой выстроились три цепи автоматчиков. Не считаясь с потерями, они упорно двигались на нас. Бой разгорался всё сильнее и сильнее. Осеннее солнце припекало, гимнастёрки стали мокрыми, на спинах выступила соль. Во рту всё спеклось. Не было времени даже сделать глоток из фляжки или просто лечь на землю, чтобы передохнуть. Немцы приблизились так близко, что из окопов в них летели гранаты, а в некоторых местах шёл рукопашный бой. Танки прорывались то слева, то справа. Мы еле успевали разворачивать орудие. Пыль от взрывов и дым от горящих танков разъедали глаза. Снаряды таяли, как весенний снег. Вдруг за спинами немцев загрохотало. Огромные снопы огня вырывались из-под земли. Они разбрасывали технику, уничтожали наступающие цепи врага. Это ударила наша тяжёлая артиллерия! Фашисты выдохлись, отступили. Мы тоже были обескровлены. Теперь мой боевой расчёт состоял

только из двух человек вместо семи. Были живы я и наводчик, но он ничего не слышал из-за контузии. Смерть ходила вокруг меня, заглядывала в глаза, пробиравась под гимнастёрку, но я оставался живым и невредимым. От разорвавшегося рядом снаряда меня только отбросило и посекло лицо мелкими осколками. Наступила волнующая тишина. Она звенела в ушах, пробежала холодом по всему телу.

Семён Игнатьич покрутил в руках сушку, хлебнул остывшего чая.

— Мы потеряли чувство времени. Утро, день или вечер? Есть не хотелось. И усталость исчезла: надо было замаскировать орудие, собрать раненых, похоронить погибших. И вдруг боец, наблюдавший за передним краем противника, крикнул: «Воздух!» Мы побросали лопаты и укрылись в траншеях. В дымчато-голубом небе висели чёрные точки. Они поочередно срывались с высоты и увеличивались в размерах. От них отделялись бомбы, вырывались огненные трассы. Душераздирающий вой заполнил всё. Земля заплясала под ногами, вздыбилась и чуть не похоронила меня живьём под своей тяжестью. Стоны, рёв моторов, сплошные взрывы... Всё это продолжалось, казалось, вечность. И снова тишина... Я вылез из-под обрушившегося бруствера, снял с ремня фляжку, промыл глаза от земли. С жадностью проглотил остатки воды, огляделся. Кругом сплошные воронки от бомб, искорёженное орудие лежало вверх станиной. Чья-то окровавленная рука торчала из-под земли. Не раздумывая, кинулся откапывать тело. Ухватился за гимнастёрку и вытащил своего наводчика. Из раны на голове текла кровь. «Коля, потерпи,— я не узнал своего голоса, вырывался какой-то хрип.— Сейчас перевяжу и перенесу в блиндаж». Он с трудом открыл залитые кровью глаза, зашептал: «Потом, потом». Потянулся к нагрудному карману гимнастёрки. Достал испачканное кровью письмо-треугольник. Протянул мне и сказал: «Передай лично, это моё последнее письмо жене и детям». — «Ты что, Коля, такое говоришь? Подлечишься— сам отправишь, всё будет хорошо!» Я торопливо перевязывал ему голову. «Нет, это всё. Прощай, пообещай...» Глаза его закрылись, голова безвольно повисла у меня на руке. Хотелось плакать, нет, выть волком, но не было слёз, они высохли от горя и ненависти. Я пустым взглядом смотрел в задымлённое небо, не было сил подняться с колен. «Сержант!»— оклик вывел меня из оцепенения. Я оглянулся. Закопчённый сажей солдат махал мне рукой. «Лейтенант срочно тебя вызывает»,— сказал он и, пошатываясь, пошёл дальше по траншее искать уцелевших после этой страшной бомбёжки. Я поспешил к блиндажу. Ему тоже досталось после авианалёта. Он больше напоминал лесоповал: вздыбленные чёрные брёвна дымились, от них шёл удушливый

запах смолы и дёгтя. У разрушенного входа на растеленной плащ-палатке сидел лейтенант. Лицо его было белым, как полотно. Фуражку он прижимал к животу. Около десяти солдат стояли и сидели рядом. Они приводили себя в порядок, матеря на чём свет стоит фашистских стервятников. Я козырнул, хотел доложить, но командир покачал головой и, с трудом шевеля губами, произнёс: «Семён, у меня мало времени. Остаёшься вместо меня». — «Как так, товарищ лейтенант?!» — оторопел я. Командир застывшим взглядом посмотрел на меня, потом убрал в сторону окровавленную фуражку... От увиденного меня затошнило и пробил пот. Вместо живота была дыра, из которой лезли рваные кишки. Он прижал фуражку и продолжил: «Через час-два немцы снова пойдут. У нас нет ни орудий, ни гранат. Но приказ надо выполнить, надо выстоять, надо выжить... Выжить, понимаешь? Завтра утром полк пойдёт в наступление, командование должно быть уверенным, что мы удерживаем коридор для прохода главных сил». — «Есть стоять насмерть, товарищ лейтенант!» — сказал я, перебив, так как видел, что жизнь на глазах покидает его. «Не надо умирать. Надо удержать и выжить. Подготовьте позиции так, как будто все погибли при авианалёте. Сами незаметно уйдите, схоронитесь в кустарнике, в высокой траве. Постоянно наблюдайте за врагом. Ночью, когда они успокоятся, постарайтесь бесшумно, холодным оружием, ликвидировать их боевое охранение. Не позднее шести утра подайте сигнал зелёной ракетой. Это будет означать, что проход и опорные пункты в наших руках. Возьми мою полевую сумку, там лежит ракетница, мои документы и немецкая карта». Лейтенант указал на лежащую рядом с ним сумку. Потом снял с фуражки звёздочку и протянул её мне. Залитая кровью красная звезда лежала в окровавленной ладони нашего командира. «Возьми, на память обо мне...» Это были последние слова лейтенанта. Его глаза закрылись, рука безжизненно опустилась. Мы сделали всё, как он и планировал. После сигнала ракеты полк двинулся в наступление.

Семён Игнатъич встал, взял звёздочку. Встал и я.

— С тех пор так и ношу её во внутреннем кармане кителя. Моя главная награда. Что приуныл-то? Мы теперь за них всех жить должны долго и счастливо! Пошли погреемся, а то заморозил я тебя своими воспоминаниями.

Мы ещё попарились, попили чаю. Пошли в предбанник одеваться. Удивительно, но мой шкафчик оказался недалеко от шкафчика дедка. Я одевался, размышлял над услышанным. Надевая китель, подумал: «Сейчас Семён Игнатъич увидит, кто его тут в баньке парил!» Я закрыл дверцу, развернулся и вытянулся по стойке «смирно»... Семён Игнатъич, мой дедок, поправлял генеральский китель, на котором красовалась медаль Героя Советского Союза. Он расплылся в улыбку:

— Вольно! Вольно! Так я, значит, крылатую пехоту учил париться?! Серёжа, а погоны-то у нас с тобой одинаковые: у тебя две звёздочки, и у меня две звёздочки.

— Только ваши звёздочки побольше и шитые,— засмутился я.

— У тебя всё ещё впереди! Спасибо тебе, так хорошо посидели, попарились,— Семён Игнатъич хитро прищурился.— Хочу сделать тебе подарок в память о сегодняшнем вечере,— он оторвал от кителя пуговицу и протянул её мне.— Пусть она будет твоим талисманом удачи! Служи так, чтоб было что рассказать!

— Спасибо, товарищ генерал! Спасибо за доверие!

Я положил пуговицу во внутренний карман кителя.

— В этом я и не сомневаюсь! — с улыбкой ответил он.

Мы вышли из бани. Пожали на прощание друг другу руки...

Под стук вагонных колёс я размышлял о сегодняшнем дне, о встрече, которую мне подарила судьба. Достал генеральскую пуговицу, зажал её крепко в руке. Вдруг сознание сформировало чёткую цель: приеду из отпуска — буду готовить документы для поступления в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище.

С того дня прошло много лет. Я давно на пенсии. Доверие Семёна Игнатъича оправдал. А генеральская пуговица всегда со мной во внутреннем кармане кителя.